

кает — в каких-то морфонологических условиях — его отсутствие в западнославянских фамилиях. Знаменитый чешский хоккеист во всех ситуациях будет *Мартинцем*, а не *Мартинцем*.

Довольно сложным оказался вопрос о русском оформлении польских и чешских женских фамилий, имеющих регулярные словообразовательные отличия от соответствующих мужских фамилий. Здесь в конечном итоге рекомендуется «точное следование оригиналу и сохранение каждой конкретной формы в русской передаче» (с. 180).

В итоговом Заключении обобщены специфические особенности антропонимического словоизменения и факторы, регламентирующие эти особенности. Повышенная вариативность словоизменения антропонимии объясняется по преимуществу стремлением к обособлению — «складывающейся, но еще не сложившейся к настоящему времени системой собственно антропонимического словоизменения» (с. 182). Но зачем антропонимии собственная словоизменительная система? Высокая морфонологическая вариативность антропонимов вряд ли связана с дивергенцией собственных и нарицательных имен.

Здесь впору говорить скорее о конвергенции и уж во всяком случае — о динамике единой морфонологической системы существительных. Периферия (в данном случае антропонимическая) раньше отражает новое и дольше удерживает старое, поэтому повышенная вариативность здесь обязательна. На периферии собрано не только то, что присуще словоизменению центра (т. е. апеллятивов) сейчас, но и то, что было присуще ему раньше и что войдет в употребление лишь в будущем.

Книга завершается очень ценными практическими рекомендациями (с. 184—187), которые было бы целесообразно довести до сведения всех заинтересованных лиц. Отраднa прозвучавшая в конце книги идея нормативного антропонимического словаря. И хочется высказать пожелание, чтобы вслед за своей чрезвычайно важной и актуальной монографией Л. П. Калакуцкая подготовила и этот столь нужный словарь. Рассмотренная книга станет для словаря хорошей теоретической базой. Она вообще дает теоретические основы для решения множества практических проблем антропонимического словоизменения.

Карпенко Ю. А.

Гондза хэн. А. И. Богуда: нофу сидо. Син-сурав-нихонго-дзэтэн. Нихомпан (Новый лексикон славено-японский. Составил Гондза под руководством А. И. Богданова. Японское издание). То:кё: : Наука-кабусики-кайся, 1985. 573 р.

Видный японский ученый, один из ведущих современных японских компаративистов, проф. Мураяма Ситиро давно известен как исследователь русско-японских культурных связей и пропагандист достижений отечественной науки в Японии. Им, в частности, было подготовлено японское издание трудов Е. Д. Поливанова [1].

Рецензируемый труд, выполненный С. Мураяма при участии Игата Садаёси и Косимидзу Норико, является первым изданием рукописного русско-японского словаря, подготовленного в Петербурге в 1736—1738 гг. Рукопись словаря хранится в архиве АН СССР в Ленинграде; в 1965 г. во время пребывания С. Мураяма в СССР ему была представлена фотокопия словаря, на основе которой выполнено настоящее издание, представляющее собой итог двадцатилетней работы ученого.

Автором словаря был Гондза (Демьян Поморцев) — японец, в возрасте 11 лет попавший в Россию в результате кораблекрушения в 1729 г. В Петербурге, куда

его отвезли, за короткое время им были составлены русско-японский словарь, японская грамматика, введение в японский разговорный язык, разговорник, а также осуществлен перевод с русского сочинения Я. А. Коменского «Видимый мир в картинках»; к сожалению, его активная деятельность была прервана ранней смертью в 1739 г. Не зная, как и другие японцы, жившие в России того времени, японской грамоты, он хорошо овладел русским языком и письмом и проявлял несомненные лингвистические способности. Значение трудов Гондзы отмечалось многими исследователями, в частности, академиком В. В. Бартольдом [2], однако введение их в научный оборот по существу началось лишь рецензируемым изданием. Безусловно, необходимо скорейшее осуществление научного изучения и публикации других трудов Гондзы, прежде всего его грамматики; советским японистам следует продолжить традицию изучения хранящихся в наших фондах материалов по японскому языку XVIII в., начатую изданием другого более позднего

словаря, осуществленным О. П. Петровой [3].

Словарь был составлен под руководством А. И. Богданова (1692—1766). Это имя хорошо известно в истории русской науки, он считается основоположником русской библиографии [4]. Будучи помощником библиотекаря Академии наук, Богданов также руководил обучением и работой доставлявшихся в Петербург японцев, что даже породило не подтвержденную фактами версию о его японском происхождении. Роль Богданова, по-видимому, не ограничивалась надзором за составлением словаря; по весьма правдоподобному предположению С. Мураяма, он был и автором русского словника.

В словаре содержится около 12 000 русских слов; почти все их них снабжены японскими переводами (многие слова переведены описательно), к некоторым словам, однако, Гондза не сумел найти перевод, японские слова записаны русскими буквами. Основой для русского словника послужил соответствующий словник в словаре «Лексикон трехязычный, сиречь речения славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» Ф. Поликарпова (1704). Однако, как указывает С. Мураяма, сличавший оба словаря, их объем далеко не совпадает. Обращает на себя внимание, в частности, увеличение числа заимствованных слов в данном словаре по сравнению со словарем Ф. Поликарпова, свидетельствующее о том, что количество их в русском языке за 30 лет возросло. С. Мураяма отмечает и тот факт, что некоторые слова русского языка фиксируются в данном словаре, по-видимому, впервые: *очаг*, *чай*, *часы*, два первых слова в других словарях зафиксированы лишь в 1762 г., *часы* — в 1771 г. Безусловно, словарь представляет собой ценный источник и по русскому языку первой половины XVIII в., его материалы заслуживают внимания и русистов.

В предисловии к изданию С. Мураяма затрагивает и вопрос об отражении авторами словаря произношения, хотя и не исследует его в полной мере. Отмечается ряд случаев (более частых, чем в словаре Ф. Поликарпова), отражающих аканье: *агакка*, *ачагэ* и т. д. По мнению С. Мураяма, такие примеры подтверждают, что А. И. Богданов вероятнее всего родился в Москве, а не в Новгороде. Рассматривается и сложный вопрос о том, различались ли в его произношении *е* и *ѣ*: с одной стороны, в ряде русских слов они смешивались, с другой стороны, их различие строго соблюдалось в японской транскрипции, причем русское *е* соответствовало японским дифтонгам, а *ѣ* — японскому *е/*, что может свидетельствовать о сохранении представления о связи *ѣ* с более узким гласным. В то же вре-

мя некоторые русские написания говорят о том, что в составлении или по крайней мере в переписке русского словника принимал участие и Гондза (ср. нередкое смешение *л* и *р*, естественное для японца: *доблѣй*); однако вряд ли можно считать, как это делает С. Мураяма, ошибкой Гондзы написания *ямчина*, *кирпишникъ*: они вполне объяснимы и на русской почве.

Название словаря «Славено-японский» С. Мураяма связывает с обычной традицией эпохи его составления (ср. название словаря Ф. Поликарпова), но при не малом числе славянизмов словарь содержит значительный объем и чисто русской лексики.

Большое значение словарь имеет и для изучения японского языка XVIII в. Гондза не владел литературным языком того времени и знал лишь свой диалект провинции Сацума (ныне префектура Кагосима), что делает словарь уникальным источником по этому диалекту, который более чем на столетие предшествует другим материалам (ср. аналогичный словарь Андрея Татаринова [3], где отражен диалект другой части Японии). Вопросы диалектной истории по данным словаря Гондзы исследуются в предисловии к данному изданию и в ряде других работ С. Мураяма. Словарь дает возможность уточнить хронологию некоторых процессов, происходивших в кагосимском диалекте, а сопоставление с данными современных говоров позволило С. Мураяма уточнить место рождения Гондзы: было известно, что он происходит из провинции Сацума, языковой же материал свидетельствует о том, что он жил в ее северо-западной части, около современной границы префектур Кагосима и Кумамото. Несомненный интерес представляет и тот факт, что несмотря на полное прекращение связей Японии с внешним миром, произошедшее за столетие до появления Гондзы в России, в его диалекте сохранялись некоторые европеизмы: *мэриясу* «чулки» из португальского *meias* или испанского *medias*, *биродо* «бархат» из португальского *veludo*. Словарь очень важен в том отношении, что содержит сведения по акцентуации, почти не известной для японского языка XVIII в.

Основная часть издания состоит из четырех колонок. В первой колонке дается русский словник словаря; особо отмечаются составителем случаи, когда орфография слова расходится со словарем Ф. Поликарпова, и случаи явных описок. Во второй колонке дается выполненный С. Мураяма перевод слов на японский язык. В третьей колонке приводятся переводы Гондзы, транслитерированные японской слоговой азбукой — катаканой. Такая запись удобна для японского

читателя, однако она не может отразить все особенности написания оригинала (хотя катакана дополнена значками, указывающими на некоторые особенности, не переводимые на катакану, прежде всего редукцию гласных и ударение, если оно есть в оригинале); отсутствие русской транскрипции Гондзы представляет собой единственный серьезный недостаток этого ценного издания. В четвертой колонке переводы Гондзы переводятся на литературный японский язык, эти переводы расходятся с переводами русских слов во второй колонке. К изданию приложен словарь переводов Гондзы в порядке русского алфавита, также записанных катаканой.

Рецензируемое издание вводит в научный оборот ценный источник по русскому языку и японским диалектам XVIII в.,

расширяет наши знания о ранних контактах между народами России и Японии. Его выход в свет — важное событие в развитии советско-японских научных связей.

Алпатов В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Порива:нофу* Е. Д. Нихонго-кэнкю: (Изучение японского языка). Токио, 1976.
2. *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков. — В кн.: Академик В. В. Бартольд. Соч. Т. IX. М., 1977, с. 36—38.
3. «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. М., 1962.
4. *Кобленц И. Н.* Андрей Иванович Богданов. М., 1958.

Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. — М.: Наука. 1984. 230 с.

Рецензируемая монография — одно из крупных исследований по тюркской лексикологии, где подводится итог многолетним поискам в области лексики отдельных тюркских языков и рассматривается ряд общих вопросов, традиционно представленных в диахронических и этимологических трудах. Это структура и семантика корня, отношение лексики древних и средневековых памятников к современному тюркским языкам, контакты тюркских языков с различными языками мира, алтайская гипотеза. Большое внимание уделено и таким нетрадиционным и слабо разработанным проблемам, как лексико-семантическая дифференциация и интеграция тюркских языков, их взаимодействие на уровне литературной и диалектальной лексики. Значительное место отводится также вопросам развития лексики тюркских языков в советскую эпоху, топонимике и антропонимике.

Многолетний опыт исследователя-лексиколога [1], а также теоретические осмысленные факты ряда современных тюркских языков дали возможность автору не только суммировать и обобщить разрозненные, а порою и противоречивые высказывания предшественников, но и изложить собственные суждения о сложном историческом процессе развития лексики этих языков, наметить перспективу дальнейших разысканий. Примечательно и то, что к исследованию привлечен огромный фактический материал не только живых и мертвых тюркских языков, но и монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, самодийских, картвель-

ских, дравидийских, семитских и индоевропейских, что представляет тюркский языковой мир во всей полноте и во всех сферах его взаимовлияний с языками сопредельных регионов.

Книга состоит из небольшого введения и 10 глав, в которых рассматривается ряд проблем и вопросов, связанных между собой общей идеей. Во введении отмечается, что еще далеки от завершения работы по сбору и систематизации лексического богатства многих тюркских языков, публикации и интерпретации лексики письменных памятников, недостаточно разработаны эффективные методы исследований. Но то, что уже сделано в трудах ряда поколений тюркологов и в собственных исследованиях К. М. Мусаева, достаточно, чтобы убедиться в реальности построения тюркской лексикологии как самостоятельной дисциплины. Это становится возможным также благодаря близости тезауруса базисной лексики и грамматического строя тюркских языков, общности тенденций их развития, чего нельзя наблюдать в индоевропейской или финно-угорской лексикологии.

Интересны мысли автора и относительно классификации тюркских языков. Из всех существующих классификаций он избрал, как нам кажется, самую рациональную, в которой языковые особенности максимально коррелируют с ареальным принципом — с расселением носителей тех или иных языков на огромном пространстве тюркской ойкумены. Сравнительное исследование лексики тюркских языков привело ученого к выводу,